

А. Звигильский

ИВАН ТУРГЕНЕВ в ПЕРЕПИСКЕ с ЛУИ ВИАРДО

Наконец началась публикация писем корреспондентов Тургенева. После публикации переписки Гюстава Флобера и Ивана Тургенева, вышедшей во Франции,¹ Англии, в Италии и в Испании (но не в России), можно приветствовать подготовленные Н. Жекулиным и покойной Н. Н. Мостовской письма одного из самых близких друзей Тургенева Павла Васильевича Анненкова: 348 писем, охватывающих период в 31 год.²

Со своей стороны, мы предприняли издание писем Луи Виардо, охватывающих период с 1844 по 1878 годы и насчитывающих 74 единицы (письма и записки), по большей части неопубликованные.³ Треть их была передана в составе фонда внучки Полины Виардо — Марсель Мопуаль в Парижскую Национальную библиотеку, другая треть в настоящее время принадлежит г-ну Оливье Ле Сену-Виардо, чей отец, Андре Ле Сен, предоставил мне в свое время фотокопии автографов писем Л. Виардо к Тургеневу. Что касается последней трети писем, их около тридцати, то они, кажется, по-прежнему находятся в архиве правнучки П. Виардо м-ль Мишель Болье, упорно не желающей их публикации.

Впрочем, письма могли быть уничтожены г-жой Виардо, как это было сделано ею в отношении собственных писем к Тургеневу, из которых сохранилось лишь двадцать. Поразительно, что из ответных писем

¹ Gustave Flaubert — Ivan Tourguéniev. Correspondance / Texte édité, prefacé et annoté par A. Zviguilsky. P., 1989.

² Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу: В 2 кн. / Издание подготовили Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жекулин. СПб., 2005 (Лит. памятники).

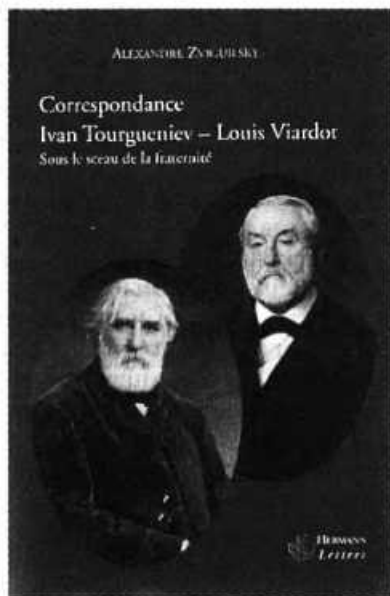
³ Correspondance Ivan Tourguéniev — Louis Viardot: Sous le sceau de la fraternité / Texte édité, prefacé et annoté par A. Zviguilsky. P., 2010. Издание выпущено к 200-летию со дня рождения Луи Виардо.

Тургенева к Луи Виардо уцелело тоже лишь двадцать, все они опубликованы. Эта цифра наводит на мысль, что г-жа Виардо приложила руку к исчезновению писем русского друга к своему мужу одновременно с письмами, адресованными Тургеневым к ней самой за период с 1875 по 1878 годы, поскольку именно за это время в их переписке существовал лакуна.

Если говорить о природе переписки Луи Виардо и Тургенева, то я без колебаний воспользуюсь определением, данным составителями и издателями писем П. В. Анненкова: «уникальная дружба с писателем». Разумеется, слово «дружба» в случае Луи Виардо имеет иную коннотацию: речь идет скорее о подлинно братских отношениях, о добровольном включении Ивана Сергеевича в собственную семью.

Луи Виардо уже через восемь месяцев после знакомства почувствовал, что эта дружба будет долгой:

«К 15 сентября <1844> мы возьмем курс на север, с одним только сожалением, что оставляем позади дорогих людей, но с уверенностью найти других, во главе которых стоите вы» (письмо из Вены от 12 июня 1844 г.).

Обложка книги «Переписка Ивана Тургенева и Луи Виардо: Под знаком братства» (Париж, 2010) с портретами Тургенева и Л. Виардо работы А. А. Харламова

Своеобразным, правда запоздалым эхом к этому звучит то же чувство, высказанное писателем, вынужденным покинуть Париж:

«Не могу выразить, сколь я был тронут всеми проявлениями дружбы, полученными за последние дни; не знаю, право, чем я их заслужил; но что я знаю, так это то, что, пока жив, буду хранить в сердце память о них» (письмо к Луи Виардо от 24 июня 1850 г.).

Луи был на 18 лет старше Тургенева, он мог бы быть его отцом или учителем. К сожалению, мы не располагаем фотографией, на которой они были бы вместе, Тургенев и Л. Виардо. Если бы Луи сопровождал своего друга на охоту в замок Шамбодуэн, близ Питивье, к барону Урию де Гинцбургу в декабре 1879 года, возможно, он был бы изображен на картине Н. Д. Дмитриева-Оренбургского, некогда выставленной в Эрмитаже, а ныне принадлежащей музею в Буживале.⁴

⁴ Об истории этой картины см.: Звигильский А. Неизвестный Тургенев (По материалам новых приобретений Музея Ивана Тургенева в Буживале) // И. С. Тургенев. Новые

Так или иначе, мы охотно представляем себе двух этих людей рядом, «с ружьем в руках», если воспользоваться выражением Тургенева из письма от 24 июня 1850 года. В портретах Луи Виардо и Тургенева, написанных в 1875 году А. Харламовым (их копии находятся в экспозиции музея в Буживале), посетители находят некоторое сходство, возможно, намеренно изображенное художником. Не об этом ли «родстве», о котором мы говорим, шутливо писал и сам Тургенев Людвигу Пичу в 1880 году:

«Все больны, кроме восьмидесятилетнего Луи Виардо, крепкого, как скала: когда он прогуливается со мной, меня принимают за его отца».

Семья, как и родина, не соотносилась для Тургенева — и еще больше для четы Виардо — с понятиями, принятыми и устоявшимися в нашем обществе. Мы уверены, что глубокое вхождение Тургенева в семью, которая не была его собственной, не было бы возможным без постоянного присутствия и поддержки Луи Виардо. Если Тургенев пожелал жить в семье Виардо, то только потому что его к этому постоянно призывал Луи: поездки в Россию, необходимые для наблюдения за управлением имениями и в особенности для творческой работы, рассматривались им как ссылка. Русский писатель чувствовал себя дома в Европе, под моральной защитой своей новой семьи. В конце жизни он, хотя и безуспешно, будет уверять близких ему людей, особенно своего старого друга Якова Полонского, в том, что у него два гнезда — одно в Спасском, а другое в Буживале.

Идея виллы и шале возникла в 1862 году у Луи Виардо. В самом деле, Виардо хотел, чтобы его друг был рядом, когда он задумал уехать из Франции в Германию. Как человек практический и здорового ума, он представлял себе эту совместную жизнь так: вилла для семьи и поблизости от нее шале для своего названного брата. Так они и проживут счастливо в Баден-Бадене до самого начала франко-прусской войны в 1870 году. Идея обретет новую жизнь, когда, воссоединившись на этот раз в Буживале в одном и том же поместье, трое друзей, ставших родственниками, станут жить «своей семьей» на вилле и в шале в «Ясенях». И здесь снова как приобретение собственности, так и обустройство совместной жизни целиком легли на плечи Луи Виардо.

Более того. Именно он, отец Клоди, еще до постройки шале Тургенева, мечтает об обустройстве там ателье для занятий живописью молодой женщины (письмо к Тургеневу от 18 июля 1874 года). Около пятнадцати писем Виардо к Тургеневу за 1874–1876 годы, столь подробно описывающих работы, за которыми он наблюдал в «Ясенях», не дают нам возможности определить реальную стоимость поместья и еще менее представить, каким образом распределялись расходы на его приобретение и проводимые работы. Здесь также кроется загадка этой истории.

исследования и материалы. М.; СПб., 2009. Вып. 1 / Под ред. Н. П. Генераловой, В. А. Лукиной. С. 236–237.

Луи Виардо рассматривает и формирует эту семейную ячейку оригинальным способом. Увеличиваясь в числе, она в конечном счете превратится в общество и в ту форму управления, о какой мечтал в своей «Утопии» Томас Мор. Общество без денег, чье счастье будет обеспечено правительством. И совсем не случайно, что именно в этот переломный момент своей жизни в ноябре 1875 года Тургенев пишет в Сен-Жермен-ан-Лэ, близ Буживаля, в гостинице «Павильон Генриха IV» рассказ «Чась», символический памфлет против власти денег.

Это микрообщество, по внешнему виду коммунистическое, задуманное двумя мужчинами, на деле не столь совершенно, как можно подумать, но прекрасно с точки зрения человеческих ценностей. Переписка Тургенева свидетельствует о его щедрости на протяжении всей жизни, о постоянной заботе о несчастных. Не так обстоят дела в частной переписке Луи Виардо. Конечно, акты благотворительности не нуждаются в том, чтобы быть записанными или сообщенными в письме. Но жизненный идеал обоих может быть все же расценен как буржуазный. Их общая страсть к охоте всегда побуждала их к приобретению лесистых территорий. Тургенев арендует охотничьи угодья в Луар-и-Шер, чтобы предаться любимому занятию, когда навещает свою дочь Полинетту, ставшую г-жой Брюэр. Что до Виардо, то и он, признавший в 1852 году, что страсть убивать животных увеличивает несчастья этого мира, одновременно считал, что охота является превосходным занятием. И 24 года спустя он безошибочно определит преимущества, которые извлекал Тургенев из своего пожизненного дохода, позволявшего ему «удовлетворять все свои пристрастия и капризы, картины, лошади, охоту, книги, хорошие обеды у Маньи» и т. д. Одним словом, идею счастья, где царят деньги и где для другого не находится места.

Тем не менее Виардо остается примером скромности и в некоторых случаях демонстрирует это. Так, на первый взгляд непоследовательно, он, подписывавший переводы, выполненные Тургеневым, анонимно публикует философский труд, который в течение десяти лет выдержит шесть изданий, — «Апология неверующего» (1867). Тургенев упрекнет старого друга в излишней скромности.

В своей книге Виардо проповедует высокие моральные ценности и приверженность гуманизму. Это теоретический трактат, следование которому, как можно предположить, ограничивается культом дружбы. Что уже весьма значительно.

Указанное исповедание веры в рации датируется началом Третьей республики, но этот труд Виардо никогда не переиздавался и остается неизвестным читателю, как, впрочем, практически все остальные его сочинения. Тургеневеды найдут здесь много пищи для размышлений. В своих комментариях к переписке Тургенева и Луи Виардо мы указали на некоторые переключки с тургеневскими «Стихотворениями в прозе». Два человека, жившие всегда бок о бок, повторяю, примерно так, как они обобществили свои доходы, один, черпая из бумажника

Полина Виардо
Портрет работы А. А. Харламова (1875)

другого, другой — пользуясь гостеприимством первого, обобществили и свои идеи, одновременно схожие и различные.

Г-жа Виардо воспитывала Полинетту Тургеневу, как свою собственную дочь Луизу, которая была того же возраста; она учила ее музыке, рисованию и иностранным языкам. Странно видеть, что именно Луи Виардо занимается материальными и финансовыми вопросами, держа нередко отсутствующего Тургенева в курсе расходов по содержанию девочки, оплаты ее платьев и уроков. Забота этого человека о девочке, которую он называл Полиной Ивановной, потом о подростке и девушке была безграничной. Он предавался своим заботам от всего сердца и со-

общал об этом отцу в юмористическом тоне, не отделяя Полинетту от собственных детей:

«Дети, чьей матерью я являюсь» (1857); «С детьми все, слава Богу, в порядке. Они держат меня на привязи; но они также и мое единственное общество» (1858); «я возвращаюсь к своим обязанностям няньки милых детей» (1860).

Именно Виардо, имевший связи в высших кругах, будет наводить справки о нравственных качествах будущего претендента на руку Полинетты. Облигации железных дорог, за курсом которых следит с расчетом на будущее в ноябре 1858 года Луи Виардо, составят, благодаря его умелому управлению, приданое девушки, которой тогда было всего 16 лет.

Виардо интересовался также братом Тургенева Николаем Сергеевичем, с которым был едва знаком, но которого несколько раз настойчиво приглашал в «Ясени», обещая комнату для проживания. Напрасные хлопоты: в конце концов Луи заметил, что Николай очень похож на его собственного брата Леона, вычеркнутого им из завещания, в то время как Иван Сергеевич был включен туда в качестве наследника после же-

ны и детей. Параллельно этому Тургенев составил завещание в пользу Луи и Полины Виардо, лишив наследства Полинетту. Со своей стороны Тургенев выделил в приданое второй дочери Полины Виардо Клоди 100 тысяч франков. И перед смертью просил Полину, ставшую его единственной наследницей, выделить ренту в 10 тысяч франков каждому из своих внуков.

Все это подводит к главному вопросу, к загадке, которая волнует биографов Тургенева: была ли связь между ним и Полиной Виардо на протяжении 40 лет совместной жизни?

Этот сюжет казался подозрительным и французской полиции. Вот что можно прочитать в рапорте префектуры парижской полиции, помещенном 10 января 1877 года:

«Господин Тургенев несколько лет проживает в доме 50 по улице Дуэ в том же помещении, что и господин Виардо. Он регулярно обедает у них, имеет в своем распоряжении двух слуг и считается состоятельным.

Г-жа Виардо одна проживает обычно в доме на улице Дуэ вместе с господином Тургеневым.

Господин Виардо, который, кажется, состоит в холодных отношениях со своей женой, почти постоянно проживает с сыном в своем имении в Буживале, где занимается литературным трудом.

По случаю праздников он приезжает в Париж на несколько дней, но скорее отдавая дань привычке, чем для того чтобы провести праздник в кругу семьи.

Причины, по которым он признает проживание в своем доме господина Тургенева, совершенно неизвестны; несмотря на слухи, что его жена является любовницей последнего и что она причастна к состоянию, которым он пользуется, г. Виардо поддерживает с ним самые лучшие отношения; никто по соседству не знает, что там происходит и дело не идет дальше предположений о характере отношений между этими тремя персонами».

У нас нет возможности подтвердить эти утверждения, хотя и говорят, что дыма без огня не бывает. А вот что нам доподлинно известно, так это то, что Луи и Тургенев сделали общими не только финансовые дела, но и повседневные занятия и хлопоты, заботясь о здоровье и хорошем самочувствии друг друга; взаимные услуги носят семейный характер — семьи, состоящей из трех человек, не родных по крови, но решивших жить вместе во Франции как сестра и братья. Совершенно очевидно, что здесь лежит объяснение разгадки, тайны тройственных отношений, давших повод для множества легенд: отрекшегося от родины Тургенева, ветреной и обольстительной певицы, обманутого и довольного мужа.

Что касается переписки двух эрудитов-гуманистов Тургенева и Луи Виардо, то в центре ее находятся интеллектуальные интересы: литература, искусство, философия, политика. Виардо за свои труды по истории испанских арабов был избран почетным членом Королевской Ака-

демии Испании и членом Королевской исторической Академии Мадрида. Тургенев, как известно, был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук 29 декабря 1860 (10 января 1861) года, без сомнения, за вклад в дело освобождения крестьян от крепостной зависимости. Именно старший брат, начиная с 1850 года, подталкивает младшего следовать своему «призванию» и приложить все силы для того, чтобы положить конец позорному институту рабства. «Записки охотника» (1852) Тургенева, столь близкие «Охотничьим воспоминаниям» (1846) Луи Виардо, скрывают за заглавием социальные цели автора. В письме от 19 января 1848 года Виардо предлагает другу совместную работу над повестью из русской жизни. Но если литературное сотворчество в этом случае не состоялось, то советы Луи Виардо могли принести свои плоды, побудив русского друга к действиям. За три года до обнародования указа Александра II Тургенев покажет пример своим сородичам-аристократам, державшимся за старинные привилегии, и освободит собственных крепостных крестьян.

Виардо был той же породы, что и П. В. Анненков, обладавший «энциклопедически панорамным пером». Без колебаний, его можно назвать «учителем» Тургенева в нескольких областях. Прежде всего, в испанском языке. Виардо давал Тургеневу уроки испанского, писал ему по-испански (полагая таким образом обмануть бдительность цензуры), когда советовал бежать из Спасской ссылки через Турцию (!). Свои письма он наполняет цитатами из «Дон-Кихота» и испанскими пословицами. Известно, что перевод шедевра Сервантеса был делом его жизни. На наш взгляд, ему не была чуждой своеобразная интерпретация героя Сервантеса, которому Тургенев в своем философском эссе «Гамлет и Дон-Кихот» (1860) отдал прекрасную роль: человека действия, увлекающего человечество вперед, в противовес шекспировскому герою, замкнувшемуся в своем скептицизме. К тому же Тургенев намеревался сам перевести роман Сервантеса на русский язык. Этот замысел не был осуществлен, однако писатель перевел обширное предисловие Луи Виардо к его переводу «Дон-Кихота» и предложил его Стасюлевичу.

Виардо не остался в долгу: не зная русского языка, он интересовался русскими обычаями, искусством, литературой и даже языком. В одном из своих писем он цитирует русскую поговорку «Плюю трижды через левое плечо», что свидетельствует о несомненно близких и длительных отношениях с Тургеневым. С февраля 1846 года он напоминает Тургеневу, что было бы хорошо перевести «Бедных людей» Достоевского. Он указывает Тургеневу на статью М. Бакунина во французской газете «La Réforme» (от 27 января 1845 года). Впервые во Франции он упоминает о некрологе Гоголя, написанном Тургеневым. Напрасно мы стали бы искать сделавшего это в газете «Le Siècle» (от 2 апреля 1852 года) Огюста Жюльена, потому что на самом деле это был почти дословный перевод письма Тургенева к Полине Виардо. Наконец, он под своим именем публикует перевод на французский язык повести

А. С. Пушкина «Дубровский», что не было, кажется, замечено до сих пор («L'Illustration», 2, 16 августа, 6, 20 и 27 сентября 1862 года). В том же году он подписывает вместе с Тургеневым перевод драматических произведений Пушкина, в то время как тургеневские переводы из Гоголя и Лермонтова были подписаны только именем Л. Виардо. Было ли это вызвано опасениями русского писателя попасть под надзор русской полиции? Вот загадка, которая раскрывается по мере того, как проникаешь в тайну дружбы этих людей, решившихся жить одним домом.

Для Тургенева Виардо был авторитетом в области искусств. Он давал ему советы по приобретению полотен голландских мастеров и художников Барбизонской школы. Переписка дает множество примеров того, как формировалась коллекция картин русского писателя. Оба приятеля однажды купили по картине в жанре «ню», которые принадлежали кисти разных, ныне забытых художников — Бланшара и Ранвье («Куртизанка» и «Нимфа Эхо»). Любопытно, как в письмах они сравнивают двух обнаженных дам.

Тургенев, хотя нигде не упоминает об этом, без сомнения, читал серию книг Луи Виардо «Музеи Европы» («Musées d'Europe») и сборник его статей «Испания и изящные искусства» («Espagne et Beaux-Arts») (1866). Статья из этого сборника «Беседа об искусствах» внесла, на наш взгляд, определенный вклад в создание образа Потугина в романе «Дым» (1867). Обоих друзей отличало чувство меры: вот почему оба они верили в цивилизацию. Искусство, литература были для них великолепным противоядием против войны и фактором мира. «Науки и искусства объединяют людей, в то время как другие соображения лишь разъединяют их», — писал Гёте в 1812 году.

В заключение напомним о расставании этих двух людей, которое произошло 1 мая 1883 года в их доме на улице Дуэ. Сообщение об этом событии было напечатано в газете «Le Temps».

Готовились спустить Тургенева на тюфяках с верхнего этажа, чтобы в экипаже перевезти его из Парижа в Буживаль. Виардо, заслышав шум наверху, захотел выдвинуть кровать на лестничную площадку. Здесь оба смогли обменяться последним объятием. Перефразируя приветствие гладиаторов Цезарю, Виардо сказал: «Идущие на смерть приветствуют друг друга!».

Их дружба продлилась до самой смерти.